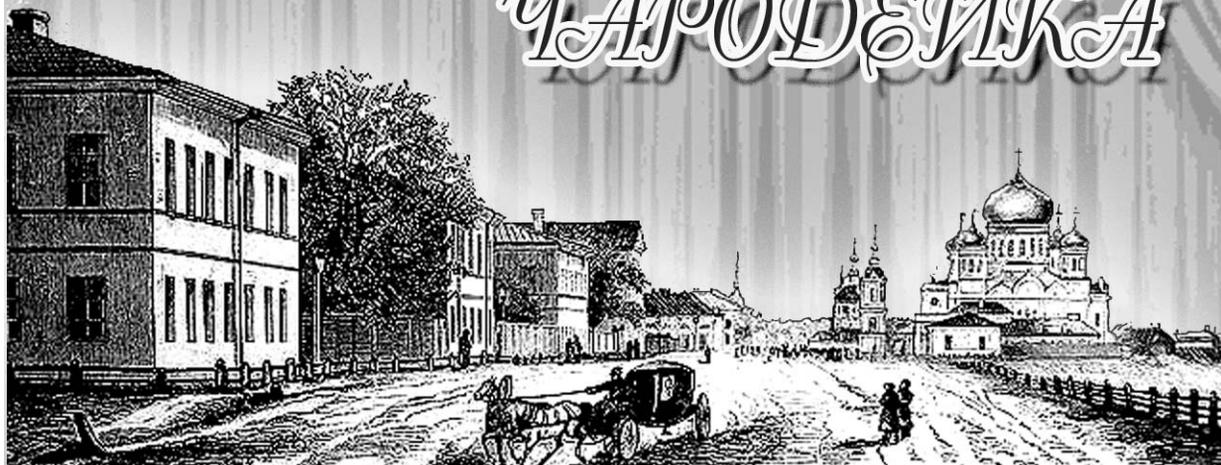

Борис ГУЩИН
г. Петрозаводск

ЧАРОДЕЙКА

Историческая повесть

Трещал жгучими морозами декабрь 1886 года. Бедные люди с трудом переносили рождественский пост, а Коля Собольщиков просто голодал. Как и всю свою предыдущую жизнь. И хотя тоненькому юноше с огромными лучистыми вдумчивыми глазами было девятнадцать лет, уже целый год никто не называл его иначе как Николай Иванович, а фамилию его писали не просто Собольщиков, а Собольщиков-Самарин. Несмотря на столь явное якобы генеалогическое роскошество, поестъ досыта Коле пока ещё ни разу в жизни не удалось. В душе и теле молодого человека чувство постоянного голода соперничало с чувством всепоглощающей любви к театру и неуёмной жаждой знаний. В театре (правда, сначала в балагане) Коля был уже лет пять, убежав из дому и топографического отдела Генерального штаба, куда он был устроен знакомыми семьи. Играл он и в самых настоящих театрах, но все как-то без желаемого постоянства и нормального заработка. Он стал профессиональным артистом и на красивых визитках из толстого цветного картона изящным каллиграфическим почерком

(спасибо топографическому отделу) с радостью выводил: «*Николай Иванович Собольщиков-Самарин, артист петербургских театров*». На визитке же, посланной в Петрозаводское общество любителей музыкального и драматического искусства, он добавил слово «режиссёр», хотя пока еще не поставил ни единого спектакля. Он, как ему казалось, чувствовал и понимал, как надо ставить; ставить, а не просто разводить актёров, чтобы они не стукались лбами друг с другом на крохотной сцене; создавать предметную обстановку, а не просто переставлять шкафы с диванами для разных картин. Жажда знаний подружила его со многими студентами.

И вот как-то этой осенью его крохотную комнатушку заполнил своим присутствием вечный студент Прокопий Иванович. Он был огромен и неопрятен. Лицо его заросло клочковатой щетиной, шинель была местами засалена и протёрта чуть ли не до дыр, а на фуражке вместо кокарды был прикреплен бесформенный обломок невесты чего. Воздух в комнате сразу исчез и заменился плохо переносимой смесью дешёвого табака и лука... «Лук, братец ты мой, все болезни

предупреждает...» Образованное чудовище вытащило из-за пазухи небольшую брошюру И.М.Сеченова «Рефлексы головного мозга» и протянуло Николаю:

— Вот. Почитай. Не усвоив того, что здесь написано, быть актёром, а тем более режиссёром, невозможно. Даже сам Александр Николаевич Островский что-то, говорят, написал по этому поводу. Я правда не читал, но надеюсь. Достану — принесу... Про лягушек можешь пропустить. Ты же не будешь их препарировать. Соображаешь?

Николай Иванович сообразил и сейчас, лёжа в санях-розвальнях, ехав на долгих перекладных (так намного дешевле) в Петрозаводск, размышлял. Мысли были отрывочны и путались друг с другом из-за голода и холода.

Про лягушек он тоже прочитал. Так, на всякий случай. Но дело здесь совсем не в лягушках. Всё, что наработывается мозгом, внешне как-то проявляется в мышечных движениях. Отсюда и нужно исходить. Я еду туда, куда Макар телят не гонял; мне хочется есть, и если хотя бы через час мы не приедем на постоянный двор, я, как тот ямщик, что товарищу отдавал наказ, замёрзну, правда, в лесу, а не в степи. Одновременно я думаю, как там в Петрозаводске справлюсь с тамошними любителями, как устроюсь с жильём, хватит ли денег на еду и гардероб. Кроме фрака, сюртука, пары брюк и белья он ничего с собой не везёт. То есть, хотя на меня действуют холод и голод, я мыслю образами, хотя могу и словами. В моём сознании рисуются образы, слова, музыка без действительных внешних образов, слов и музыки. И это, наверное, главное в творчестве актёра.

*Н. И. Соболищikov-Самарин,
Е. Н. Потапова (Е. Н. Аполлонская)*

Мысль — действие... Действие — мысль. Мысль — причина любого поступка. А так ли это? Просто внешнее влияние остается иногда незамеченным, т. е. первоначально за причину любого поступка принимается мысль. Я думаю, что Сеченов прав, говоря, что причина всякого человеческого действия лежит вне его. Вот и будем репетировать и искать причину всякого актёрского действия вне сознания героя. Должно получиться правдивее и интереснее, чем получалось до сих пор.

А в общем, во всем этом лучше разбираться в тепле и после обеда. Хотя сытое брюхо к учению глухо. Плохо то, что он не взял с собой какой-нибудь посуды для еды, кроме железной кружки. Он и предположить не мог, что останавливаться они будут у старообрядцев, а те свою посуду блюдут и никому не дают. Ему ли это не знать. Отец — иконописец — старообрядец. Правда, скорее его можно назвать богомазом, нежели иконописцем, но всё-таки. Хоть бы плошка какая-нибудь... К тому же за всё надо платить, а денег у него в обрез. Только на хлеб и чай. Хорошо, что друзья-актёры, провожая, подарили большой кусок са-

ла, завернутый в серую холстину.

Лошадь тащится, еле поднимая ноги, тяжело ступая по наезженному тракту. Всю дорогу так. Никто и никуда не торопится. Да еще возницы на постоянных дворах затевают споры, в какой стороне Петрозаводск и где пассажиру сходить и пересаживаться к другому возчику. Николай Иванович со страхом прислушивался к этим спорам: вдруг да не туда. Денежки-то кончились. Перед отъездом он продал всё, что можно, купил себе с рук то ли осеннее, то ли зимнее

пальто коричневого цвета с какой-то зеленцой, чуть закрывающее колени, валяные опорки, шапку с ушами и, посчитав оставшиеся деньги, решил, что на дорогу ему хватит. С некоторыми возницами ему везло. С теми, у кого оказывался лишний тулуп, который он иногда надевал на себя, а иногда набрасывал на ноги. Под сеном и попоной было не особенно тепло. Он ехал уже почти неделю и отогревался только в жарких душных избах постоялых дворов.

Слава богу, бородатые крестьяне на пути стали говорить на непонятном языке. Это карелы. Значит, Петрозаводск близко.

— Петроской? Петроской там, — говорили они, показывая в сторону невидимого города. Ну что ж. Надо придумать парадный въезд в этот город. Не на дровнях же въезжать. Он обратился к вознице:

- Далеко до Петрозаводска?
- Совсем рядом. Вёрст сорок.
- Ямская станция еще будет?
- Будет.

Вот там и пересядем на более приличные для режиссёра сани. Но как это сделать? Последние деньги он обещал этому возчику и, не подумав, согласился на то, что именно он и довезёт его до Петрозаводска.

Вдруг в мозгу, ну прямо согласно теории Ивана Михайловича Сеченова, возникла тень приснопамятного Ивана Александровича Хлестакова, и тень эта, весело подмигнув, возгласила:

— Как Вам не ай-я-яй, любезный Николай Иванович? Я смотрю, Вы меня совсем забыли. А зря!

Иван Александрович был явно не прав. Думы Николая Ивановича всё больше склонялись сейчас к деятельности именно Ивана Александровича, и Николай Иванович так и сяк примерял эту деятельность на себя.

— Приехали, — сказал он возчику на ямской станции, заметив понравившиеся достаточно просторные расписные сани, в которые была впряжена и привязана к коновязи чёрная лоснящаяся лошадь, горделиво поглядывающая по сторонам. К лошади подходил возница в тулупе, похожий на торговца из богатых крестьян. Николай Иванович сошёл с дровень и подошёл к нему.

— А расчёт? — слегка возмутился возчик.

Николай Иванович сделал строгий жест рукой: погодите, мол, сейчас, и подошел к торговцу:

- В Петрозаводск?
- Да.
- Возмете по пути?
- Чего не взять. Садитесь.
- Сейчас. Только расплачусь.

Он подошёл к дровням. Было ясно, что возчик недоволен. Очевидно, думал, что получит меньше договорённых. Николай Иванович медленно, с подчеркнутой важностью достал последние до копейки деньги и передал их возчику. Тот сразу повеселел. Собольщиков перенёс плетёную корзину со своими вещами, сел в сани к торговцу и...

— Н-но, милый! В Петрозаводске куда прикажете?

- В гостиницу. Самую лучшую.
- Тогда в «Палермо». Куда уж лучше.

Бодрой рысью быстро домчали до Петрозаводска. Над низкорослым, еле просматриваемым городом возвышался силуэт огромного пятиглавого храма. При появлении первых домиков возница спросил:

- С ветерком?
- С ветерком!

И они помчались так, что городской пейзаж не успел даже запечатлеться в сознании. Разве что только совершенно круглая площадь с каким-то памятником посередине.

— Тпру!

Они остановились перед двухэтажной деревянной гостиницей. На крыльцо вышел человек, весьма похожий на хозяина.

Николай Иванович лихо выпрыгнул из саней, показал глазами на корзину и властно сказал: — Расплатитесь. За мой счёт.

Человек без оговорок заплатил запрашиваемую сумму, взял корзину и пошёл в дом. Николай Иванович последовал за ним.

— Только чтобы без клопов.

— Помилуйте. Они у нас как-то не приживаются.

Человек провел его в номер на втором этаже, где в печке-голландке приятно догорали угли. Кровать сверкала белоснежным бельём. Из мебели в маленьком номере были только стол, покрытый новой клеёнкой поверх скатерти, три стула, конторка, простой, как ящик, шкаф и

громоздкий умывальник с мраморной доской.

— Самоварчик прикажете?

Весь дом пропах щами из квашеной капусты со свининой.

— Спасибо. Нет. Но я с удовольствием бы съел тарелку щей.

— Пожалуйста, в ресторан на первом этаже. Хотя, конечно же, у нас не ресторан, а скорее буфет с подачей горячих блюд.

Он съел даже две тарелки, похвалил блюдо, со значением бросив половому: «за мой счет», поднялся в номер, разделся, лег на постель и уснул мёртвым сном.

Проснувшись уже утром, он подумал о своём достаточно высоком петрозаводском статусе и спросил коридорного, где здесь Старополицейская улица. Там жил секретарь Общества.

— Совсем рядом. Мы с Вами сейчас на Соборной. Так Вы немного поднимитесь вверх, а потом свернёте направо. Это и будет Старополицейская.

Было еще рано, и перед визитом к секретарю Николай Иванович решил прогуляться. Выйдя из гостиницы, прямо перед собой он увидел общественный сад, а налево (летом, наверное, там общественная пристань) часовню и каток прямо на льду озера, огороженный ажурной оградой. Похоже, что вход платный. Он пошёл в безлюдный тихий сад и удивился вычищенным дорожкам. На самом высоком месте стоял павильон — воксал с узкими высокими окнами, забитыми ставнями. Над павильоном возвышался изящный бельведер. Николай Иванович нашёл щелочку между досками, приподнялся на цыпочки и заглянул в окно. Нет, это не театр. Скорее всего, зал для танцев. Пусто. И пол узорного паркета. Напротив главного входа на площади высоким длинным ящиком накрыт, наверное, какой-то памятник, а чуть поодаль сооружение типа закрытой беседки, тоже заколоченное досками, с кирпичной трубой на крыше. Странно. Хотя чего странного. Летом здесь, наверное, кухня для этого воксала. Тишину нарушил какой-то ритмичный шорох. Это сторож или дворник внизу метет дорожку у маленького домика в швейцарском стиле. Наверное, там и живет.

Сад приятно удивлял своей ухоженностью, фигурными решетчатыми изгородями; не-

большими, очевидно недавно посаженными, деревьями.

Из сада Николай Иванович снова вышел на Соборную и стал подниматься вверх. Вдруг его чуть ли не сбили с ног ехавшие вниз по улице на коньках двое мальчишек. Ребята, проехав мимо прохожего, резко затормозили.

— Тю, смотри, какой смешной дядька!

Николай Иванович не сразу сообразил, что эта фраза относится к нему, а сообразив, застыдилась своего пальто и опорок и заперезживал, как он пойдет в таком виде к секретарю.

Он прошел мимо двух церквей, одна из которых, деревянная со шпилем, напомнила ему Петербург. Рядом была маленькая часовня. Выйдя на площадь, он сразу вспомнил Москву. Собор на площади был, похоже, один к одному с Храмом Христа Спасителя. За рекой сверкали куполами еще два храма. «Какой Боголюбивый город», — подумалось Николаю Ивановичу. По диагонали от собора вогнутой дугой распластались двухэтажные торговые ряды со множеством арок. Как получу деньги, так сразу сюда. Прежде всего необходим гардероб. Перед торговыми рядами прямо напротив собора — одноэтажное, но, как это ни странно, не лишнее своеобразного шика, здание, очень похожее на театр, клуб и все такое. Из труб весело вьется дымок. Рядом в небольшом садике эстрада с рядами скамеек. Из трубы небольшого домика, похожего на кухню, тоже клубится дым. Похоже, что именно здесь ему и служить. Захотелось зайти в дом: посмотреть, представиться. Да поди-ка кроме истопников там никого еще нет. Рано.

Он пошел по улице, застроенной с одной стороны одно- и двухэтажными, очень приличными домами, а с другой стороны являющей из себя подобие бульвара на склоне длинного пригорка с гладкой площадью перед речкой, за которой высилась громада завода. В окнах самого большого корпуса временами вспыхивало огненное зарево и слышался железный лязг. Он пришел на круглую площадь с двумя полуциркульными то ли двух- то ли трехэтажными зданиями, на торце правого из них тускло отливало позолотой двуглавый орел. Очевидно, здесь у них присутственные места. Странно, что дома с колоннами типа петербургских выкрашены в зеленый цвет, хотя, конечно, им больше пошел бы желтый, как и в

столице. На крыльце одного из домов злобно шерились два чугунных льва. Он коснулся одного из них. В середине площади на изящном узком постаменте царь Петр со шпагой. Площадь кажется очень широкой. Вот бы им вместо этого Петра да Медного всадника. Сразу сузилась бы. А теперь по прошествии какого-то времени можно идти на Старополицейскую.

Секретарь встретил его приветливо и щедро, сразу же выдал 25 рублей.

— Это Вам за дорогу. А получать у нас Вы будете 50 рублей в месяц. Кроме того, мы оплачиваем Вам полный пансион.

Николай Иванович растерянно и благодарно молчал. Он никогда не видел таких денег.

— Насчет пансиона, — продолжал секретарь, — я могу порекомендовать Вам одну пожилую женщину-мещанку. Акулину Петровну. Очень аккуратная хозяйка. У нее иногда живут прикомандированные из Петербурга на завод офицеры. Очень довольны. Вы дайте хозяйке денег, так она Вам все что угодно приготовит. Кстати, где Вы остановились?

— В «Палермо».

— У Шмидга. Акулина Петровна живет рядом. Там же на Соборной. У нее маленький домик на три комнаты. Вход в одну из них отдельный. Я с ней уже говорил по поводу Вас. Сейчас напишу ей записку. Только писать ей надо печатными буквами. Так что переселяйтесь. Завтра воскресенье, но, может быть, Вас примут их Превосходительства у себя дома. Я узнаю и сообщу.

Окрыленный и радостный, Николай Иванович двинул переселяться. Он рассчитался «за свой счет», взял корзину и пошел к Акулине Петровне. Хозяйка оказалась симпатичной пожилой, но молодежавшей женщиной в деревенском ситцевом цветастом сарафане, поверх которого была надета вязаная шерстяная кофта на городской манер. Он застал ее в комнате, большую часть которой занимала русская печь. Напротив среднего окна, торцом к нему, стоял стол, накрытый явно не праздничной скатертью. Какая-то еда была прикрыта другой скатеркой. В центре стола ярко сиял начищенный фигурный пузатый самовар. Шкафчики и полки были заполнены разнообразной чистой посудой. Было видно, что хозяйка ее очень любит. На печи и около преобладали

горшки, чугуны, ухваты и сковородники. Изба сияла чистотой.

Николай Иванович поздоровался и протянул хозяйке записку.

— Вы мне лучше сами прочитайте.

Николай Иванович прочел, и хозяйка сказала:

— Пойдемте. Я покажу Вашу горницу.

Они вышли в сени, а из сеней в просторную чистую комнату с печью-голландкой, которая нагревала большую комнату, где собирался жить Николай Иванович, и меньшую, где жила хозяйка. Затапливалась печь в комнате Акулины Петровны.

— Вот Ваша горница.

В комнате на три окна стояла кровать с высокой периной и горой подушек. (Перину надо попросить поменьше.) Напротив среднего окна стояли стол, несколько стульев; диван, на котором при желании тоже можно спать, несколько сундуков и большое зеркало. На подоконнике были какие-то цветы, и на полу в кадках стояла пара фикусов. В углу икона Николы с зажженной лампадой. Николай Иванович подошел к иконе и перекрестился. Вход в хозяйкину горницу был заставлен старинным резным шкафом.

— Так что у Вас, Николай Иванович, свой отдельный вход.

— Акулина Петровна, можно я дам Вам определенную сумму на еду, и давайте, если это можно, вместе завтракать и обедать. А ужинать, наверное, я буду иногда в клубе, хотя я не любитель подобных ужинов.

— С удовольствием. На двоих и готовить веселее. Пойдемте пить чай. Наверное, Вам удобно будет платить за месяц сразу. Хозяйка назвала цену. Николай Иванович согласился.

— Пойдемте, пойдемте в **фатеру**¹.

Николай Иванович отдал деньги сразу и подумал, что надо было спросить у секретаря еще хотя бы 25 рублей на гардероб.

Они сели за стол. Акулина Петровна налила чаю в стакан с серебряным подстаканником и подала Николаю Ивановичу.

На столе стояли какой-то гигантский пирог и ватрушки. Мелко наколотый сахар горкой возвышался в голубой вазочке на высокой

¹ «фатера» (искаж. «квартира»). Так в конце XIX века крестьяне иногда называли избу с русской печью.

ножке. Акулина Петровна поставила пирог под самовар и довольно обильно полила верхнюю корку кипятком.

— Вчера утром еще запекла сига в рыбник.

Она ловко подрезала верхнюю корку, открыла пирог и начала угощать Николая Ивановича и рыбником, и разговорами:

— Муж мой два года назад умер. Мы из Заонежья оба. Давно уже в городе. Мещанами стали. А мой Петя все крестьянам, землякам, помогал. Привезут рыбу, масло, грибы, ягоды, а зимой сено, так он гуртом покупал у них, а потом местные-то купцы у него уже покупали. Не особо богато, конечно, но хорошо жили. Да и сейчас грех жаловаться. Все время на постое кто-то... Николай Иванович, а Вы ведь, по-моему, из простых будете?

Николай Иванович удивился хозяйкиной прощательности и сказал:

— Да. Отец иконописец, а мама всю жизнь на машинке шьет. Особого достатка у нас никогда не было.

— Я что хочу сказать Вам... — Акулина Петровна засмушалась и как-то оробела. — Можно я буду называть Вас Колей?

Николай Иванович помолчал и, подумав несколько секунд, сказал:

— Можно.

Наверное, от этого отношения станут только теплее. Дом — это так важно. Дом семьи Собольщиковых Николай Иванович если иногда и вспоминал, то без особой радости.

Перейдя в свою горницу, Николай Иванович с помощью Акулины Петровны избавился от лишней перины и стал разбирать свою многочисленную одежду и маленькую библиотеку драматургии, решив перелистать «Горе от ума» Александра Грибоедова и «Чародейку» Ипполита Шпагинского.

Ужин был ранний. Чай и пироги.

Николай Иванович уснул с мыслью о дополнительных 25 рублях.

Наутро пришел секретарь и сказал, что, несмотря на воскресный день, Его Превосходительство начальник Олонецкой губернии Григорий Григорьевич Григорьев примет господина Собольщикова у себя в домашнем кабинете с 11 до 12 часов. Денег с собой у секретаря не оказалось, но он пообещал.

— Да, квартира Его Превосходительства в левом от Вас доме, как попадете на Петровскую площадь. Вход в нее со стороны Английской улицы.

Позавтракав, Николай Иванович засобирился, переживая за свои опорки и пальтишко с зеленой. Он надел свой старый фрачишко и, обув лаковые туфли, сунул их в опорки. Слава Богу, влезли. Нахлобучил шапку. И... с Богом.

Подойдя к площади, он свернул налево. Подойдя к закрытым воротам, он заметил на мощном столбе, чуть ли не вплотную примыкающем к углу дома, веревочку с надписью над ней «звоните», подергал за нее; где-то внизу звякнул колокольчик, из полуподвального помещения вышел сторож и, ничего не спросив, открыл узкую калитку.

Перед входом в дом была небольшая круглая площадка, где могли маневрировать повозки приезжающих и отъезжающих гостей. Невдалеке стояло длинное застекленное здание довольно старой оранжереи, некоторые стекла которой были грубо забиты досками. Оранжерея являла полный контраст дому, создававшему впечатлительное новенького, как с иголочки. Тем не менее она действовала. Над ее крышей из трубы поднимался дым. Недалеко от оранжереи стоял комплекс каких-то хозяйственных построек: каретный сарай, кухня, дровяной сарай и несколько совершенно непонятных построек. Неподалеку симпатичная девочка-подросток кормила двух серых пушистых белочек. Кормила по очереди, потому что белки почему-то, наверное, не дружили друг с другом. С девочкой они дружили, и, когда та опускала руку и шевелила пальцами, одна из белок быстро-быстро поднималась у нее по рукаву, добиралась до плеча и замирала на мгновение, красиво распушив хвост. Девочка что-то давала ей. Та убегала, и на смену ей прибегала другая. Николай Иванович подошел на несколько секунд поближе. Вдруг взгляд его упал на небольшую группу странных деревьев, которых он, кажется, никогда не видел.

— Это лиственницы. Они хвойные, но осенью сбрасывают свои иголки, — сказала девочка.

Николай Иванович улыбнулся и сразу засмушался перед красивой девочкой. Застеснялся своих опорок. Он подошел к крыльцу с изящно выкованным козырьком, в укромном

месте скинул опорки и этаким франтом взбежал в двухсветные просторные сени — вестибюль со сводчатым потолком. Наверху широкой каменной лестницы, украшенной четырьмя мраморными вазами, стоял человек, которому он подал визитку.

— Его Превосходительство ожидает Вас.

Человек показал налево, где находилась приемная губернатора. Через открытую дверь виднелся кабинет, который сразу же охватил теплом пылающего камина.

Пожилой губернатор (ну прямо старикашка) привстал с кресла и предложил поздоровавшегося Соболящикову сесть напротив. Наш герой отметил, что губернатор одет в полуфрак, но не однотонный, а клетчатый, под которым вместо галстука был повязан шейный фуляровый платок. Некий домашний шарм.

— Искренне рад Вашему приезду, господин Соболящиков-Самарин. Надеюсь, что наши любительские спектакли и драматическо-музыкальные вечера будут теперь лучшими в провинции. Как доехали? Устроились?

Заговорив, губернатор показался ему умным, мудрым и, главное, совсем не старым.

— Я ведь, если честно говорить, больше номинально, чисто юридически являюсь руководителем и покровителем Общества. Фактически же им занимается моя супруга Елизавета Владимировна. Она жаждет познакомиться с Вами. А я желаю Вам всяческих успехов.

На этом официальная аудиенция окончилась. Что ж, пойдем знакомиться с бабушкой. Подика все нервы изматывает.

Николай Иванович прошел через коридор, обратив внимание на две винтовые лестницы, очевидно, ведущие в покои и другие семейные апартаменты превосходительств, открыл дверь в кабинет губернаторши и несколько растерялся, слегка остолбенев.

Перед ним стояла светловолосая красавица с большими голубыми глазами, слегка полноватая, но с исключительно тонкой талией. С первого взгляда она казалась ему молоденькой девушкой, но, приблизившись, он понял, что дама переживает бальзаковский возраст. На губернаторше было платье, стиль которого с некоторой натяжкой можно было назвать строгим. Приталенный жакет со строгим во-

ротником и отворотами эффектно подчеркивал отличную фигуру, особенно в бедрах. Узкие рукава жакета завершались у запястий манжетами. На шее дамы был кружевной воротничок, застегнутый скромной брошью. Темная юбка заканчивалась небольшим шлейфом и была несколько подобрана с боков. Светлые волнистые волосы губернаторши были расчесаны на прямой пробор. С боков же волосы были собраны в стиле «*sadogan*» так, что были видны нежные ушки.

На ногах дамы красовались, как ни странно, какие-то немислимые восточные узорчатые туфли с загнутыми носами.

Нежнейшим сопрано губернаторша произнесла:

— Где же Вы так долго были, дорогой Николай Иванович? Мы Вас совсем заждались. Я представляла Вас совсем-совсем другим... А можно называть Вас...

Николай Иванович похолодел. Режиссера необходимо называть исключительно по имени-отчеству.

Губернаторша все поняла и мило рассмеялась:

— Да ладно. А меня не вздумайте называть превосходительством. Ненавижу. Для всех я Елизавета Владимировна.

Губернаторша жестом предложила ему сесть. Николай Иванович несколько замешкался, обратив внимание на икону, не виданную им никогда.

— Это моя покровительница Ефросинья Суздальская. Я ведь из Вязников. Это там, во Владимирской... Теперь о деле. Мы хотим, чтобы Вы режиссировали спектакли нашего общества и, естественно, сами принимали в них участие. Главная наша постановка в будущем — «Горе от ума».

— Елизавета Владимировна, а кто у вас сейчас режиссирует?

— Наверное, все мы понемножку и я в частности, хотя, конечно же, никакой я не режиссер. Скорее всего я антрепренер. Больше всего в жизни я люблю устраивать балы-маскарады. Особенно здесь, в нашем доме. Скоро Рождество. Так что готовьтесь.

К балам Николай Иванович относился как-то равнодушно, но если «Горе от ума» да он — Чацкий... За этим стоило ехать.

— Елизавета Владимировна, а сколько спектаклей в год вы ставите?

— Премьеры у нас бывают каждый месяц. А в антрактах у нас играет оркестр горной музыки...

(Николай Иванович не стал спрашивать, что это за горная музыка такая. Скорее всего, оркестр, наверное, как-то связан с заводом.)

— ...и обязательно в конце одноактный водевиль, как и принято во всех театрах. У нас чудный суфлер. Просто блестящий. Тем не менее я заставляю артистов максимально знать текст роли.

— Согласен. «Горе от ума» не для суфлера. Текст надо знать наизусть.

— Я хочу предложить Вам вот что. Мы понемногу репетируем «Горе от ума», месяца три-четыре, чтобы весной выпустить премьеру. Параллельно репетируем и ставим что-то менее серьезное. Несколько спектаклей за зиму. Ну, и Вы, как чтец-декламатор, чем-то побалуете нас на вечерах.

— Я согласен.

В кабинет быстро вошла девочка из сада:

— Мама, я хочу тебя попросить...

— Вера, познакомься. Это Николай Иванович Соболящиков-Самарин. Он у нас теперь и актер, и режиссер.

Вера мило улыбнулась:

— А мы уже знакомы.

— Наш пострел везде поспел.

— Мама, я тоже хочу играть.

— Теперь это зависит от твоего нового знакомого.

— Николай Иванович, дайте мне роль. Пожалуйста. Ну, хоть какую-нибудь. Ну, хоть самую маленькую.

— Вера, я постараюсь для Вас что-нибудь придумать.

— Спасибо.

Вера убежала.

— Николай Иванович, завтра мы собираемся в Обществе в 7 часов вечера и ждем Вас. Была очень рада познакомиться.

И эта аудиенция закончена. Во всяком случае начало сулит много хорошего.

Уже дома перед сном у Николая Ивановича замелькали какие-то разрозненные, почему-то запечатлевшиеся детали губернаторских кабинетов.

Блеск золотых рельефных роз на почти черном фоне обоев у губернатора и розовом фоне у губернаторши. Память выхватывала из губернаторского кабинета: портрет Государя императора, писанный маслом, странную живопись картины со швейцарским пейзажем, стильную ореховую мебель, камеру-обскуру или камеру-клару на этажерке. (Николай Иванович не очень-то различал их, но соображал, нельзя ли применить их в каком-нибудь спектакле.) Стол в кабинете был настоящий губернаторский, под зеленым сукном. На нем громоздился толстенный том законов Российской Империи и стояла пара серебряных печатей с костяными ручками. Здесь же были бронзовый канделябр на пять свечей и керосиновая лампа с пузатым матовым стеклом и резервуаром, вставленным в литую медную чашу с рельефными тюльпанами.

Кабинет же губернаторши являл нечто среднее между истинным деловым кабинетом и восточным будуаром. Дубовый книжный шкаф; стол, заваленный книгами, старинный комод на гнутых ножках, такого же типа секретер... И старинное восточное роскошество: огромный персидский ковер со всадниками на изящных конях, похожих на сказочных птиц; по периметру ковра — крупные квадраты-клейма с большими цветами; узкогорлые кувшины, кальяны, круглые кованые щиты, ковры попроще и огромные подушки-пуфы самых ярких расцветок.

Все эти дневные впечатления перемешались в голове Николая Ивановича в необыкновенный сказочный интерьер, и он крепко уснул.

Назавтра начались репетиции «Горя». В зал Общества он пришел заранее. Зал его вполне устроил. Уютный. Обитые синим бархатом кресла, бельэтаж с ложами и балкон-галерка. Освещение — керосиновые лампы, которыми постоянно занимаются два ламповщика. Вот и сейчас они в огромном тазу моют стекла и протирают их, используя мыло, газеты и тряпки. Из реквизита он отметил костюмы в старинном русском стиле с настоящим, похоже, жемчугом и ряд щитов с блестящей жемчужной отделкой: тут тебе и отражатели, и «гром небесный». «Зорек», цветных кисейных занавесей для восходов и закатов, тоже достаточно. Ровно к семи подтянулись любители. Елизавета Владимировна

представила нового режиссера. Николай Иванович произнес краткую тронную речь, и репетиция началась. Он тщетно напрягал свою память, пытался вспомнить какую-нибудь «казенную» постановку «Горя», но ничего не получалось. Значит, спектакль будет первой его режиссерской работой. Зато любители каких только «Горь» не повидали в своей жизни! Уже на следующей репетиции во втором акте, когда Софья падает в обморок, режиссер говорит ей:

- Падайте, падайте.
- А куда?
- Прямо на ковер...
- Ах...

Актриса падает. И тут все дело испортил Карнович, какая-то проштрафившаяся шишка из Москвы.

– Позвольте, это не так. Я не раз видел «Горе» в Малом театре, так там Софья падает прямо в кресло.

Авторитет режиссера должен быть непоколебим, и он обрезал:

– Да, я видел спектакль Малого театра, но у нас в Петербурге сейчас Софья падает на пол.

Елизавета Владимировна поддержала режиссера:

– Конечно же, оставьте, пожалуйста, по-новому, по-петербургски.

Дальше – больше. Когда начали репетировать третий акт, раздался голос губернаторши:

– Николай Иванович, а разве здесь не будет докладов?

Полное недоумение.

– Каких докладов, Ва-ва-ше Превосходительство?

– Сколько раз можно говорить!.. Елизавета Владимировна.

– Каких докладов, Елизавета Владимировна?

– Вы когда-нибудь бывали на балах? Да, скоро у нас в этом зале бал-маскарад, и я приглашаю Вас лично. Так вот. На балу (я не имею в виду маскарадный бал) всегда докладывают о прибывших гостях.

– Но позвольте. Нельзя ломать классический стих Грибоедова какими-то докладами без размера и рифмы.

– А по-моему, так Александр Сергеевич здесь чуть-чуть не додумал.

Вот здесь бы господину Карновичу и поддер-

жать Николая Ивановича. Но тот упорно молчал. В пьесе появился совершенно дикий персонаж – почетный слуга в ливрее. Этот идиот выходил на сцену и докладывал: «Князь Тугоуховский с супругой», «Госпожа Горич». Николай Иванович надеялся, что к премьере он этого ливрейного вымарает.

Из всех участниц спектакля ему больше всех приглянулась молчаливая улыбчивая исполнительница роли служанки Лизы – Елизавета Николаевна Потапова. Лиза.

Вскоре репетиции пришлось временно отложить, так как Общество готовилось отметить десятилетие своего существования. Начали готовиться к большому вечеру. Решили поставить первую и третью сцены из «Русалки». Николай Иванович, конечно же, стал князем. Перед концертом, после которого были танцы до упаду под оркестр той самой горной музыки, Николаю Ивановичу пришлось пошучить на торжественном собрании по поводу юбилея. Доклад, прочитанный директором драматического отдела Общества, был огромен и скучен. Хвалили в основном, наверное, справедливо, руководителя музыкальной части покойного К. Л. Михайлова, который сам лично переписывал все партитуры. Наверное, он был хороший композитор. Во всяком случае позже Николай Иванович станцевал несколько вальсов с Лизой Потаповой под его мелодичную музыку. О драматическом отделе Общества говорилось как-то странно: мол, и народу там не так-то уж много, и лица одни и те же, и все такое. Но ведь отдел поставил за десять лет 88 вечеров! Поставили всего Островского! Больше всего удивило, что не в меру много добрых слов было сказано в адрес губернатора. Елизавету Владимировну упомянули всего лишь раз. Собольщиков воспринял это как личную обиду и потихоньку вышел из зала.

Зато вечером в роли князя он, кажется, понравился петрозаводчанам. Сидящий в ложе здоровенный полицмейстер аж ладоши себе отбил.

Назавтра Николай Иванович решил пойти в Гостиный и если не купить себе кое-что из гардероба, то, как минимум, присмотреть.

Нравы Гостиного несколько удивили нашего героя. Чуть ли не в каждой лавке заседал своеобразный клуб, т. е. в лавках, похоже, находились не покупатели, а посетители. Одна из ла-

вок пропахла каким-то кислотовато-овчинным крестьянским духом; покупатели, очевидно приехавшие из деревень на сенной рынок, похоже, обсуждали свои деревенские дела, и где здесь продавец, понять было невозможно. В другой лавке степенно с большими паузами объяснялись друг с другом на непонятном языке вроде такие же мужики. А в самой шумной лавке была, наверное, сходка горячих вольнолюбивых поляков. На втором этаже чиновничество обсуждало свои конторские проблемы. Как понял Николай Иванович, было много обиженных. В одной лавке было битком набито мещанками. Николай Иванович сразу выскочил оттуда, не желая встретить здесь Акулину Петровну. В коридоре-галерее ему повстречался богатырского сложения полицмейстер с саблей на боку. Богатырь взял под козырек.

— Рад с Вами познакомиться, господин Сობольщиков. Надворный советник, здешний полицмейстер Егор Харламович Одинцов к Вашим услугам. Вчера видел Вас в роли князя. Великолепно!

— Спасибо. И я рад знакомству.

Рад-то, конечно, он рад, но какое-то подспудное чувство внушало ему тревогу и неясные темные полузабытые, а то и полностью забытые воспоминания о чем-то страшном, непонятно о чем, хотя он был и есть законопослушный гражданин и никогда не нарушал, да и не собирается нарушать, законы Российской империи. Но как бы то ни было, такое знакомство пойдет только на пользу.

— Я ведь не только по долгу службы бываю на всех вечерах и спектаклях. Всегда переживаю и радуюсь от всей души. Вот что я Вам скажу. Успех вашего дела в нашем городе заранее predetermined.

— Почему Вы так считаете, Егор Харламович?

— Да потому, что в Вашем Обществе состоит большинство ссыльных важных персон из столицы. Там они малость проворовались и попали к нам. Скажу по секрету... Только Вы никому не говорите... Губернатор относится к ним весьма благосклонно и устраивает их на теплые местечки... Только чтобы никому ни-ни... И попробуй такой проворовавшийся отказаться от роли или опоздать на репетиции, если расписание подписано Ее Превосходительством. А если опоздал,

отказался, тут уже возникаю я: «А подать сюда Ляпкина Тяпкина!» И на цугундер его!

Он мощно захохотал, да так, что сабля на его боку начала болтаться туда-сюда, туда-сюда.

— Кроме того, ваши вечера чаще всего имеют благотворительную цель. А где у нас самые богатые обыватели? Здесь, в Гостином, сидят. Толстопузые.

Он достал из-за пазухи пачку билетов.

— Плевать им на любое искусство. Они не пойдут на ваши спектакли, но билетки из наших рук они купят. Как миленькие. Самые дорогие билетки. А зал у вас все равно всегда будет полон.

Он остановил проходившего мимо станового.

— Господин пристав. Будьте любезны. Вот Вам пачка билетов для гостинодворцев на музыкально-драматический вечер. Деньги потом отдадите мне лично.

— Слушаюсь.

Пристав удалился в ближайшую лавку.

— Так что желаю Вам всяческих успехов. Мало того. Верю в них. Да, а Вы случайно медвежьей охотой не увлекаетесь?

Для Николая Ивановича не было, пожалуй, ничего дальше медвежьей охоты.

— Нет. Никогда не приходилось.

— Очень жаль. Ничего интереснее и быть не может. В Лодейном Поле я организовывал подобные охоты для великих князей. Здесь тоже не забываю. Я еще и пишу об этом в «Олонецких губернских ведомостях». Почитайте. Прошлый год даже премию получил 50 рублей за свои писания. Совесть мне подсказала: отдай деньги в Николаевский приют. Что я и сделал. А то сижу на всех спектаклях и вечерах бесплатно. Искренне наслаждаюсь искусством. Так что, если Вы, господин Сობольщиков, пожелаете пойти со мной на медведя, буду рад. Пара берлог у меня уже присмотрена. Рад был познакомиться. Надеюсь, что будем друзьями. Честь имею кланяться.

Русский полицейский богатырь щелкнул каблуками, козырнул и пошел дальше. Разговор оставил двойственное чувство: необходимости знакомства и одновременно держаться от нового друга подальше. Могучий облик нового знакомого навевал непонятное ощущение близкой тревоги.

Николай Иванович с удовольствием начал по-

полнять свой скудный гардероб. В Гостином он приобрел несколько смен хорошего белья, брюки, жилет, рубашку, валенки и сборный костюм «ля рюс»: косоворотку, пояс с кистями, брюки в полоску и русские сапоги. Со следующих денег гардероб не мешает и дополнить.

Вечером репетиций не было и, перед тем как зажечь лампу в наступивших сумерках, он подошел к окну, чтобы задернуть занавеску. По другой стороне улицы в сторону катка шла стройная, слегка полноватая дама в платье с турнюром. Сильно приталенный жакет был удлинен спереди и приподнят сзади над турнюром. Подол длинной юбки, рукава и воротничок были отделаны мехом. На голове дамы была шляпка-котелок с высокой тульей. Рядом с дамой вышагивал видный кавалер.

Николай Иванович быстро задернул занавеску и стал тайно из-за нее наблюдать за парочкой.

Кавалер был тоже хорош. В прямом пиджаке до бедер с закрытым круглым воротником, в бриджах и гольфах. На голове у него была маленькая шапочка. Парочка словно сошла со страниц модного петербургского журнала.

Прямо напротив его занавешенного окна пара остановилась на несколько секунд, и дама начала что-то доказывать мужчине...

Мало того что наш герой на медведя не ходил, так он еще и на коньки ни разу не вставал.

Сразу стало томительно грустно, и он лег на кровать с книжкой рассказов молодого писателя Чехова.

На носу были рождественские балы-маскарады, и надо было думать, в каком виде появиться на юбилейном балу в зале Общества.

Прямо перед балом-маскарадом Николай Иванович надел фрак, повязал голову черной косынкой, прикрепил к правому уху большую медную серьгу, приклеил препротивные усики, встал перед зеркалом и сделал несколько движений под парижского апаша из виденной еще в Петербурге оперетки. Сам себе он понравился. Надел черную маску и пошел на бал.

Убранство зала сияло великолепием. Ряды кресел были вынесены, но никакой пустоты не чувствовалось. Во всех четырех углах зала красовались киоски, обставленные деревьями и кустами из реквизита, драпированные разноцветными тканями, шнурами и кистями. Направо от

входа киоск был занят различной мелочью, начиная от ручки для пера, фарфоровыми безделушками и кончая золотыми и серебряными вещами. Левый киоск предлагал конфеты и шампанское, бутылки которого стояли в серебряных ведерках со льдом. Третий киоск слева предлагал фрукты: яблоки, груши, виноград, апельсины и засахаренные экзотические ягоды. В четвертом киоске был лимонад. Два последних киоска соединяла цепь живых ёлок, поставленных около самой рампы. Ёлки были подобраны так, что крайние были по высоте киосков, а к середине постепенно понижались, образуя дугу, так, чтобы на сцене был виден шаловливый амур с луком, время от времени делающий достаточно приятные для глаза танцевальные па. В киосках сидели самые красивые петрозаводские то ли дамы, то ли барышни в масках. Оркестр на балконе был не виден.

Только что начался полонез. Николай Иванович увидел Лизу Потапову в костюме Коломбины, и они пошли последней парой. Лиза, как всегда, улыбалась, и Николай Иванович не мог понять, узнала она его или нет. Хотя, как ему показалось, узнать его было совсем нетрудно.

Удивило то, что полонез начинал вице-губернатор с супругой, а не губернатор с Елизаветой Владимировной.

После танца Николай Иванович оказался возле киоска с шампанским и обратил внимание на то, что к красивой даме с глубоким декольте, сидящей в киоске, пристает с просьбами о свидании уже подвыпивший чиновник:

— Где же мы с Вами встретимся, дорогая? Может, в Гостином? А то, может, на катке?

— Ах, оставьте Ваши глупости, — кокетливо говорила дама.

— Какие же это глупости! Я вполне серьезно.

— И я вполне серьезно, — рассердилась дама, приподняв маску.

— Ва-ва-ваше Превосходительство, простите меня ради Христа. Не погубите.

— Захочу погублю, — мифистофельским баском проговорила губернаторша, весело подмигнула Николаю Ивановичу и снова надвинула маску.

— Немедленно домой и спать до утра, — прозвучал приказ незадачливому кавалеру.

«Вот он сейчас придёт домой, ляжет на диван и померёт», — подумалось Николаю Ивановичу. Не

помер. Наутро его помятую серую физиономию Собольщиков увидел на Садовой. Физиономия спускалась в ренсковый погреб.

— Шампанского? — обратилась к Николаю Ивановичу сиделица.

Он, вспомя свой первый, не совсем удачный опыт, сказал:

— Спасибо. Нет. Лучше лимонаду.

— Не держим. Но лично для Вас ничего не жалко. Сама готовила.

Елизавета Владимировна достала из-под прилавка хрустальный графин с притёртой пробкой и угостила Николая Ивановича шипучим напитком. Он поблагодарил и всё внимание теперь обратил на маскарад, который являл калейдоскоп «... одежд и лиц, племён, народов, состояний». Петрозаводчанки были весьма разнообразны и очаровательны. Вокруг него кружились: роскошная мавританка, строго выдержанная фламандка, египтянка с классическим ибисом на голове; цыганка, всё норвящая погадать, меланхоличная эльзаска, тиролька, польская крестьянка, древние гречанки и римлянки. Здесь были все четыре времени года, из которых выделялась юная грациозная весна. А вот целый цветник — застенчивый ландыш, яркий пунцовый мак, желтый подсолнух, скромная незабудка. По залу носится восхитительный чертёнок с трезубцем, а загадочный эльф хочет остановить его своей волшебной палочкой.

Маскированных мужчин были почему-то единицы. Некоторые довольствовались масками... Николай Иванович заметил римского воина, матроса и двух мужиков в лаптях, картинно споривших о чём-то.

Хороша была Вера Григорьева в костюме римской девушки. На некоторых дамах были мужские военные костюмы. Во время танцев эти дамы поручали кавалерам свои доспехи, и те расхаживали по залу с ружьями, копьями и саблями.

Николай Иванович обратил внимание, что киоск с шампанским неожиданно опустел. Через несколько минут губернаторша появилась тоже в костюме «милиционер». На голове у нее был металлический шлем. В ушах и на висках — фигурные подвески. Длинное меховое платье в талию было подпоясано серебряным поясом, на котором висел холодно поблескивающий меч. Бал встретил её аплодис-

ментами. Губернаторша станцевала пару танцев с римским воином. Меч охраняла Вера.

Танцы продолжались далеко за полночь. Николай Иванович провожал Лизу Потапову. Они шли молча, Лиза иногда улыбалась ему, а он думал о своём и, кажется, несколько холодно простился с девушкой.

Через несколько дней перед репетицией, когда в зале была только Елизавета Владимировна, он осмелился спросить её, что за великолепный костюм был на ней в тот вечер.

— Знаете ли, Николай Иванович, я очень люблю Аполлона.

— Все женщины его любят, — изрёк режиссер.

— Я имею в виду Аполлона Майкова. Он сейчас написал поэму «Бальдур» по сказаниям Скандинавской Эдды. Мой костюм представлял воинственную деву — валькирию. Меня очень заинтересовал скандинавский эпос.

— Спасибо. Я не читал этой поэмы, но Аполлона Майкова люблю тоже. Помните?

В телеге еду по холмам.

Порой для взора нет границ.

И всё поля по сторонам,

И над полями стаи птиц.

— Еще бы! Это его «Поля». — И она продолжила:

Я еду день, я еду два,

И всё поля, кругом поля!

Мелькнёт эсильё, мелькнёт едва,

А там поля, опять поля.

Та-та-та-та-та...

Дальше, к сожалению, не помню.

— А финал-то, финал какой, — встрепенулся Николай Иванович.

Чего? Он начал было вслух...

Да вдруг как кудрями встряхнёт,

Да вдруг как свистнет во весь дух —

И тройка ринулась вперёд.

Неслись... «куда ж те дьявол мчит!» —

Вдруг сорвалось у старика.

А тот летит — лишь вдаль глядит,

Вперед — в пространство без конца!

А даль-то даль — как широка!

Зачарованная Елизавета Владимировна захопала в ладоши:

– Вам обязательно надо читать это с эстрады.

– Наверное, буду, но через несколько лет.

Елизавета Владимировна, очевидно, хотела спросить: «почему», но осеклась и переключилась на приятные воспоминания:

– Мы, когда поженились с Григорием Григорьевичем, поехали в Москву и пошли в Артистический кружок на вечер, а там оказался артист Павел Никитин, которого все хором и упростили читать «Поля».

– Мне рассказывали, что он делал это блестяще.

– Да, дорогой Николай Иванович, это память у меня на всю жизнь. Я Вас очень прошу и очень хочу, чтобы Вы читали «Поля» с эстрады.

– Обещаю Вам, Елизавета Владимировна.

После рождественских балов пошли репетиции какой-то сплошной театральной подёнщины. «Горе от ума» снова было заброшено. Через много-много лет Соболюшкин-Самарин с большим трудом вспоминал, что же он ставил и играл в ту памятную петрозаводскую зиму. Смутно вспоминались: «Лакомый кусочек» В. Александрова, «Кручина» И. Шпажинского (здесь он блеснул в роли Недыхляева), «Ночное» М. Стаховича, «Жених из долгового отделения» Н. Чернышева и его же «В цветах». Всё это было поставлено и сыграно за каких-то 3–4 месяца. Честно говоря, он иногда размышлял о том, кто из них лучше: он, всё это поставивший и сыгравший, или, и правда, великолепный суфлёр, которому впору бенефисы устраивать.

Николай Иванович слегка заскучал, пока в один прекрасный день или вечер кто-то из любителей предложил поставить «Чародейку» И. Шпажинского. «По всей России идёт. А мы что, рыжие?» Подумав хорошенько и прикинув знакомую пьесу на труппу, наш режиссёр согласился, хотя душа постоянно болела за Чацкого. Впрочем, и в «Чародейке» он может прекрасно играть хоть князя, хоть княжича. Пожалуй, княжича даже лучше.

Начались репетиции. Были заказаны шикарные декорации: живописный задник, изображающий излучину Волги и Оки, княжеские хоромы и постоянный двор в русском стиле с тонким резным узором, а костюмы

шлились такие, что роскошнее не придумать. Репетиции шли более-менее успешно. Лиза Потапова играла одну из подружек Кумы.

Всё было бы ничего, но исполнительница роли княгини своей статью, женским благородством и обаянием несколько затмевала фигуру Кумы. Следовательно, получалось, что княгиня вершит правый суд, отравив злую разлучницу, влюбившую в себя не только князя, но и княжича Юрия. А если это так, то и говорить не о чём. Зритель единодушно осудит Чародейку (так ей, паршивке, и надо!) и всей душой встанет на сторону княгини. Получается полная бессмыслица. И это несмотря на прекраснейшие декорации и... скажем так... правильную, вроде бы логичную игру актёров. Суфлёр, как всегда, бесподобен. Его слышит только тот, кому он посылает реплики. Елизавета Владимировна сидела на всех репетициях молча и беспрекословно выполняла просьбы Николая Ивановича, касающиеся оформления, говоря, что здесь мы должны показать всю роскошь старинной Руси и денег на такой спектакль не надо жалеть. Николай Иванович, конечно же, соглашался с губернаторшей, но всё больше и больше задумывался о смысле будущего действия. До спектакля оставалось всего четыре дня, а настроение было аховое.

Однажды, когда режиссёр с губернаторшей были в зале одни, она вдруг достаточно небрежно и смело заявила:

– Мне хочется попытаться создать что-нибудь оригинальное, что заинтересует наше общество. Я уже подготовила и разучила роль Кумы.

Николай Иванович похолодел. Намечается полный провал.

– Елизавета Владимировна, Вы когда-нибудь выходили на сцену?

– Никогда в жизни... Ну и что? Завтра здесь в театре я проведу Вам всю роль, и Вы откровенно выскажете своё мнение. Я не могу рисковать. Вы понимаете — супруга губернатора не может играть плохо. Я не хочу быть посмешищем.

Посмешищем она не хочет быть! А играть хочет. Первый раз в жизни. Гастроль Её Превосходительства! Да, его положение незавидное. Тем более что завтра при любой ситуации придётся высказывать своё мнение.

Дома он всю ночь проворочался, но так и не мог уснуть.

Назавтра к 11 часам он пришёл в театр. Губернаторша уже ожидала его. Она закрыла шторы на окнах, вежливо удалила из зала ламповщиков, проверила все двери и закрыла их на крючки.

— Начнем, пожалуй, — многообещающе пропела губернаторша.

Она вышла на сцену и заговорила. Роль она знала назубок, и никакой суфлёр ей был не нужен.

— Елизавета Владимировна, а мизансцены Вы помните? Давайте всё сначала. И в движении.

Движения Чародейки оказались плавными, спокойными, уверенными и полными женского обаяния и прелести. Гибкий, мелодичный, сочный голос был согрет ярким темпераментом. Николай Иванович читал за всех остальных персонажей и с радостным удивлением постепенно понимал, что рядом с ним играет настоящая, законченная, большая актриса. В конце репетиции он зааплодировал.

— Аплодисменты в ваш адрес. Успех вам гарантирован.

Елизавета Владимировна тоже захлопала в ладоши:

— А эти аплодисменты в Вашу честь, дорогой Николай Иванович.

— Елизавета Владимировна, завтра репетируем всем составом, а послезавтра генеральная.

Назавтра героиня уже не произвела столь ошеломляющего впечатления на режиссёра. Николаю Ивановичу показалось, что она несколько искусственно сдерживает себя. После репетиции он спросил об этом Елизавету Владимировну. Она подтвердила его догадки и пообещала не сдерживаться на спектакле, а играть на полную. На генеральной темперамента оказалось побольше. Перед спектаклем он спал спокойно. Назавтра днём он подошёл к театру. У подъезда была лошадь, запряжённая в дровни. Пара рабочих что-то выгружала из них. За выгрузкой наблюдала губернаторша. Николай Иванович присмотрелся. Удивлению его не было предела. Грузчики таскали в театр обстановку кабинета губернаторши: все эти ковры, пуфы, кальяны, щиты и сабли.

— Елизавета Владимировна, что это? Вы переселяетесь?

— Ничего подобного. Так будет обставлена изба Кумы.

— Но позвольте... — он достал из-за пазухи эк-

земпляр пьесы. — Давайте вспомним первые ремарки. «Постоялый двор. Сениями строение разделено на две половины: собственно избу с косячатыми окнами и клеть с волоковыми окошками, почти под крышей. Тесовая кровля очень крута. В ней, над избою, деревянная дымница и посредине выводное окно, освещающее чердак! Гребень крыши резной, с маковицами по краям. Свес её украшен подзорами». Где Вы разместите этот свой гарем?

— Не кипятитесь, дорогой Николай Иванович, и послушайте меня. Как, по-вашему, Кума богатая или бедная женщина?

— Не бедная.

— Значит, богатая. Она владеет постоянным двором. Здесь останавливаются богатые купцы, которые едут из Персии, Индии, Бухары и других восточных стран. Она любит всё восточное, как и я. Она в состоянии купить какие-то дорогие вещи. Да ведь ей к тому же, наверное, кто-то что-то дарит. А теперь я Вас спрошу: почему же у неё не может быть такой обстановки?

Да, в логике ей не откажешь, придется смиряться.

— Хорошо. Постараюсь вжиться в Вашу обстановку.

— Вживайтесь.

На этом разговор окончился.

Вечером театр был переполнен. Зрители шушукались о том, что роль Кумы сегодня будет играть сама Елизавета Владимировна и что решилось это буквально на днях. Русский полицейский богатырь сидел на своём месте и дружелюбно раскланивался со знакомыми. Ламповщики прикрутили фитили в рампах зрительного зала, и открылся занавес. Эффектно освещённая излучина Волги и Оки сразу же вызвала аплодисменты. Николай Иванович не мог принять гаремную обстановку избы Чародейки, но зрители, кажется, ничего против неё не имели. Первая сцена с купцами прошла достаточно вяло. Но вот в зале снова раздались аплодисменты. Это со своими подружками под «Вниз по Волге-реке с Нижняя Новгорода» вышла Кума. Яркая, красивая, обольстительная, приковывающая внимание исключительно к себе. Все остальные исполнители сначала вроде бы ступевались, но потом подтянулись, стали играть раскованнее, интереснее, и, самое главное, прямо на глазах стал

рождаться ансамбль, центром которого, казалось, без всякого труда становилась Елизавета Владимировна. Кума собирала и облагораживала всё происходящее на сцене.

Николай Иванович с волнением ждал своей сцены с Кумой. До этого ещё надо было достойно провести сцену в хоромаш с князем и княгиней. Провёл. И вот их совместная сцена. Финал ее остался у Собольщикова-Самарина на всю жизнь и временами вспыхивал в памяти яркими зарницами. Она по-настоящему любила его в те минуты. То, что делала на сцене Елизавета Владимировна, нельзя было играть. Это надо было переживать взаправду. Что она и делала.

Юрий:

Когда, как вешний снег от солнца тает,
Мой гнев прошел от ласковых речей...

Кума:

Ну, молви ж, милый. Сердце на слуху.

Юрий:

И душу охватила мне любовь,
Как вихрь налетный.

Кума:

Ах!.. С ума сойду.

Юрий:

Тогда уйти я ринулся скорее,
Чтоб чар твоих, колдунья, убежать...

Кума (*жарко обнимает его*):

Мой свет! Желанный!

Юрий (*сжимает ее в объятиях*):

Правду говорили:
Призариста волшебница Кума!
Смела, что к небу ввысь полет орлиный,
Что песня соловьиная нежна...
И с нею все, себя и всех забудешь!

Кума:

Голубчик мой! Теперь хоть умереть,
В твои любуюсь ласковые очи...
У ног твоих, целуя их следы...
Ты жизнь моя, мой свет! Желанный, милый!

Елизавета Владимировна медленно опустилась на колени и страстно обняла ноги княжича. Николай Иванович почувствовал в эту минуту, что он жить не может без этой женщины, талантливой актрисы, с которой ему хочется, как минимум, играть на сцене всю жизнь. Человек у занавеса не торопился его закрывать, и у многих навсегда осталась в памяти «живая картина»: Кума на коленях перед княжичем Юрием. Наконец дали занавес. Николай Иванович подал руку Елизавете Владимировне, помогая подняться. Зал бушевал аплодисментами. Елизавета Владимировна благодарно и ласково посмотрела в глаза Николаю Ивановичу, сказала «спасибо» и быстро ушла за кулисы. А статная, гордая, добропорядочная княгиня выглядела на сцене по сравнению с Кумой жалкой приживалкой. Это, конечно, лучше, чем было бы наоборот, но всё-таки... всё-таки. Посмотрим, как зрители примут финал.

Начался антракт, в котором грянул оркестр горной музыки, который стал ещё больше нравиться Николаю Ивановичу. Он хотел сказать несколько слов участникам спектакля, но потом раздумал. Зачем? Он заперся у себя в уборной и слушал вальсы до второго звонка. В последнем акте, когда отравленная княгиней Чародейка умерла, в зале начались всхлипывания. Николай Иванович впервые ощутил себя настоящим победителем, хотя по поводу самого себя некоторые сомнения всё-таки испытывал. Его успех — это, прежде всего, успех Елизаветы Владимировны. Если бы Куму играла та, что репетировала, то было бы чёрт знает что. А в подружках Кумы её самое место.

Выйдя на поклон, он обратил внимание на ложу полицмейстера. Тот бурно аплодировал. Наверное, все ладони себе отбил. Одинцов негромко говорил:

— Bravo. Bravo. Bravo.

Но это его «браво» слышал весь зал. И вновь в душе Николая Ивановича забурили самые что

ни на есть противоречивые чувства: огромная радость от успеха «Чародейки» и смутное ощущение опасности, исходящее от восторженного зрителя в полицейском мундире, зрителя, которого он как будто бы уже видел не в самые лучшие минуты жизни. Призрачный страх вновь посетил его сознание.

После спектакля, когда участники радовались успеху и поздравляли друг друга, в основном, конечно, Елизавету Владимировну, за кулисы зашёл губернатор, поздравил всех, а Елизавете Владимировне поцеловал ручку:

— Восхищен многогранностью Ваших талантов, дорогая Елизавета Владимировна.

Банкет на завтра. После второго спектакля.

Придя домой, Николай Иванович сразу лёг спать, но почти всю ночь проворочался и уснул только под утро.

Наутро к нему явился посыльный от Елизаветы Владимировны и сказал, что Её Превосходительство просит режиссёра порепетировать с ней сегодня днём ещё раз перед вторым спектаклем.

Удивлению Николая Ивановича не было предела. Вчера был подлинный триумф. Но показывать своё удивление было не перед кем.

— Их Превосходительство уже в Обществе.

— Хорошо. Передайте Елизавете Владимировне, что сейчас буду.

И зачем ей какая-то репетиция после столь блестящего успеха.

— Коля, что на обед приготовить? — засуетилась Акулина Петровна.

— Полностью полагаюсь на Ваш прекрасный гастрономический вкус.

— Тогда я принесу из кладовки пару куропаточек, ещё на Афанасьевской у меня были куплены, ошпилю их и, как печка протопится, поставлю тушиться в жаровне. Любишь куропаточек?

Николай Иванович любил куропаток. Но только с виду. Таких белых, пушистых, нежных.

— Даже не знаю. Никогда не ел.

— Значит, полюбишь. И что вы там в этом Питере едите?

Николай Иванович поспешил в театр. Он был переполнен счастьем. Елизавета Владимировна была вчера неподражаема, несмотря на весь этот дурацкий гарем. Вот что значит настоящее искусство. И пьеса-то — с Островс-

ким не сравнишь, и он-то как режиссёр мог бы сделать значительно больше, а поди ж ты.

Елизавета Владимировна была в одном из своих повседневных платьев строгого стиля, но тем не менее в какой-то сверхлегкомысленной шляпе из реквизита. Она ходила по сцене, словно прогуливаясь. На лице её Николай Иванович скорее не увидел, а интуитивно ощутил бурю чувств, которые вот-вот выплеснутся наружу и потопят его в пучине вод моря житейского.

У него не было сомнения, что после такого грандиозного успеха она должна связать свою жизнь с театром. Такой талант нельзя зарывать в землю. Но как ей сказать об этом? Лучше вообще не говорить. А поздравить он её вчера поздравил.

— Здравствуйте, Елизавета Владимировна, я ещё раз поздравляю Вас со вчерашним огромным успехом. Вы настоящая актриса, и Ваш огромный талант позволяет Вам...

Он почувствовал, что его понесло, и лепечет он явную чушь. Сказать надо что-то другое, но как и что...

— Николай Иванович, миленький, прошу Вас... не надо.

Она подошла к нему и нежной ладонью в почти невидимой, благоухающей дорогими духами перчатке, почти не прикасаясь, словно закрыла ему рот. Елизавета Владимировна выдержала преприятнейшую паузу и произнесла.

— Давайте лучше я скажу.

Слегка прибавив басовитых нот в своё нежнейшее сопрано, она начала:

— Кто здесь откликнется на твоё богатое чувство? Кто оценит эти перлы, эти брильянты слёз? А там... О! Если половину этих сокровищ ты бросишь публике, театр развалится от рукоплесканий. Тебя засыпят цветами, подарками. Здесь на твои рыдания, на твои стоны нет ответа. А там за одну слезу твою заплачут тысячи глаз. Посмотри на меня. Я нищий, жалкий бродяга, а на сцене я принц...

Рука Елизаветы Владимировны нежно шевелила пальчиками в каком-то миллиметре от его губ, и он, ни жив ни мёртв, слушал монолог, который сам скоро будет произносить десятки раз, думая, что со стороны, наверное, смешно, как она пародирует его, будущего. Похолодев от волнения, он не мог и предположить, чем же это для него кончится. (Какая же память у неё!)

— ... живу его жизнью, мучаюсь его думами, плачу его слезами над бедной Офелией и люблю её, как сорок тысяч братьев любить не могут. А ты! Ты молода, прекрасна, у тебя огонь в глазах, музыка в разговоре, красота в движениях. Ты выйдешь на сцену королевой и сойдёшь с неё королевой. Эту ночь я посвящаю тебя в актрисы...

Елизавета Владимировна отняла свою приторно пахнущую духами ручку от лица Николая Ивановича и произнесла:

— Мне кажется, я освободила Вас от монолога, посвященного мне. Я очень благодарна Вам как режиссёру. Поверьте, я не спала всю ночь. И не потому, что познала успех, Ваш успех. Надеюсь, Вы понимаете, что я имею в виду: успех, которого, казалось бы, мне никогда не будет дано почувствовать самой судьбой... К тому же я не столь молода и прекрасна, как хотел сказать Вашими устами господин Несчастливцев... Возможно, хотел сказать...

Николай Иванович дёрнулся, чтобы опровергнуть явную несправедливость Елизаветы Владимировны по отношению к себе самой, но губернаторша топнула ножкой (он успел заметить, что она переобулась в башмачки Чародейки) и продолжала:

— У каждого своя судьба, и меня она вполне устраивает. Голодное бродяжничество не для меня. Серебряные портсигары по подписке с дикими воплями в буфете и вееры из ассигнаций после бенефиса — тем более.

— Но ведь есть же Императорские театры...

— Я хотела стать женой губернатора и стала ей, причём в очень молодые годы... Я попрошу Вас никогда и нигде не возобновлять разговор на эту тему.

Елизавета Владимировна подошла к огромному зеркалу, стоящему за одной из кулис, и начала бесконечные вариации со шляпой. Вдруг она неожиданно обернулась к нему, расхохоталась и совсем по-дружески, с несрываемой симпатией сказала:

— Да бросьте Вы кукситься. Давайте лучше репетировать. Я кое-что забавное придумала. Давайте мы с Вами в сегодняшнем спектакле споём. Почему мы не поём дуэтом в нашей «Чародейке»?

— Вы же поёте с девушками «Вниз по Волге-реке».

— Ну, это так мало.

— А я не пою, потому что мне лично медведь на ухо наступил. Кроме того, по пьесе княжичу не до песен.

— Позвольте Вам не поверить. Я люблю наблюдать за Вами, когда на наших концертах Вы слушаете, ну, скажем, «Лунную сонату», хотя некоторые непонятно зачем сидящие в зале люди упорно называют Бетховена Петуховиным.

Конечно же, Николай Иванович пел в отдельных спектаклях, но считал, что петь он должен лучше, и часто стеснялся своего пения.

— Елизавета Владимировна, я, наверное, действительно чувствую музыку, и именно музыка звучит у меня в ушах, когда я в общих чертах представляю, что замыслил. Но петь... Нет, нет. Вы меня не сможете убедить...

Елизавета Владимировна надула губки.

— А я такую песню вспомнила. Хотите, надеву сарафан, душегрею и кокошник? Вы не сможете устоять от дуэта со мной.

— Вы когда-нибудь пели публично?

— Никогда в жизни. Так, мурлычу иногда. Дома.

— Вот и я, — покривил душой Николай Иванович.

— Ну и что из этого! Вот и споём.

— Сарафан и кокошник надевать сейчас не обязательно. Давайте решим, как Вы будете петь. А что за песня?

Елизавета Владимировна мгновенно воспыла жаркой любовью к партнёру и начала своим нежным сопрано негромко, постепенно усиливая голос:

— *Ах, ты, зимушка-зима,
Ты студёная была.
Эгей, эй да люли,
Ты студёная была.*

*Ты студёная была,
Все дорожки замела.
Эгей, эй да люли,
Все дорожки замела.*

*Все дорожки, все пути,
Нельзя к милому пройти.
Эгей, эй да люли,
Нельзя к милому пройти.*

Слов в песне оказалось больше чем достаточно. Елизавета Владимировна пела и в движении, и в некотором подобии танца, и присаживаясь на огромный кованный сундук. Пела сначала раздумчиво, негромко, словно подступаясь к песне. Постепенно песня становилась лихой, переполненной счастьем героини. Она пела, казалось бы, только для него одного, и вдруг неожиданный финал, с которым невозможно не согласиться — лицом на публику.

— Елизавета Владимировна, я принимаю песню. Спасибо, — согласился с актрисой Николай Иванович и подумал, что после этого взбесившиеся зрители начнут «бисировать».

Остальные придумки Елизаветы Владимировны оказались довольно-таки нейтральны, и он, согласившись с актрисой, закончил репетицию и пошёл домой.

Дом пропах незнакомым для него запахом дичины.

— Коля, давай обедать, — сразу же пригласила к столу Акулина Петровна.

Николай Иванович никогда не позволял себе что-либо съесть, а тем более пообедать, незадолго до спектакля. Здесь же он не мог удержаться. Незнакомый, похожий на лесной запах аппетитно щекотал ноздри.

Акулина Петровна, ловко орудуя ухватом и тряпками, поставила на специально накрытую для обеда скатёрку жаровню с куропаткой в соусе и чугунок с разварной гречей. Когда Акулина Петровна положила половником в фаянсовую миску кусок дичины, добавив гречки и обильно полив блюдо аж чёрным соусом, Николай Иванович, изумившись цвету и мясу, и соуса, сказал:

— А я думал, что куропатка и внутри белая.

— Ты попробуй, Коля, попробуй. Тебя потом за уши не оттащить. А у куропатки белого мяса только маленький кусочек. Сейчас я найду тебе его. Когда рябчик делил своё белое мясо, куропатке почти ничего не досталось. Едал рябчика?

— Никогда. А как это он делил?

— Как увижу рябцов, сразу куплю. Так же потушу. А делил он так. Рябчик ведь маленький и весь белый. Вот добрый рябчик и решил своим белым мясом со всей дичью поделиться. Первой в очереди к нему курица была, а за ней индюшка, утка, глухарь, тетерев, а куропатка

последней оказалась. Вот и получила она малюсенький кусочек.

Николай Иванович, прочувствовав первую радость незнакомой вкусной еды, начал жевать машинально, волнуясь о вечернем спектакле.

Акулина Петровна говорила без умолку, и он слушал её речь урывками.

— ...Лопари кольские на оленях приехали. В Питер, говорят, едут — народ катать на Масленицу. Ненадолго у нас в Соломенном остановились. Рассказывают, шатёр свой из оленьих шкур раскинули. Наших всех катают. За деньги, конечно. У общественной пристани рядом с катком стоят. Прокатись, Коля, с какой-нибудь хорошей девушкой. У вас в театре ведь есть их.

«Это идея, — подумал Николай Иванович. — В Петербурге не пришлось, так в Петрозаводске прокачусь».

Выпив чая, он ещё раз прошёлся по тексту и пошёл к театру. Дежурное волнение было напрасным. Елизавета Владимировна была ещё легче вчерашнего и так же, если не сильнее, любила своего партнёра. Николай Иванович справедливо предугадал успех сегодняшнего спектакля. После «Зимушки» зрители словно взбесились и начали скандировать: «Бис! Бис! Бис!» На бис Елизавета Владимировна выдала «Зимушку» исключительно на публику. В Петербурге после такого успеха поклонники выносили актрис из театра на руках. Здесь же постеснялись. Губернаторша всё же. На банкете восторгались, в основном, Елизаветой Владимировной, но и его похваливали. Он, не любя крепких напитков, ушёл с банкета по-английски и, придя домой, сразу завалился спать. Долго не мог уснуть. Перед глазами стояла Елизавета Владимировна и смотрела на него как-то странно, как до сих пор не смотрела. Наконец он уснул и часов до девяти спал без просыпу. Проснулся он от запаха **калиток**². Когда он вошёл в «фатеру», на столе уже стояло блюдо с калитками и кипел самовар, под крышкой которого в мешочке варились яйца.

— Садись за стол, Коля. Ну, как вчера?

— Еще лучше, чем позавчера.

² Калитки — открытые карельские пирожки с картошкой или кашей.

— Теперь можно и отдохнуть? — спросила Акулина Петровна.

— Да. Дня четыре я полностью свободен.

— Вот и покатайся на оленьках.

Она достала из самовара яйца, выложила их на стол, налила чаю и протянула стакан Николаю Ивановичу.

— Кофе кончился. Забыла купить. Завтра куплю. А ты сливочек-то в чай налей.

А и правда. Почему бы не прокатиться?

После завтрака он пошёл прогуляться, сам не сознавая того, что хочет увидеть Лизу Потапову. Ноги сами понесли его на Малую Подгорную, где жила Лиза. Он немножко побродил по Сенному рынку, куда уже успели съехаться крестьяне с копнами сена, и пошёл вниз по улице. В занавешенном окошке за кисеёй мелькнул девичий силуэт. Николай Иванович почти дошёл до озера, где увидел лопарей с двумя оленьими упряжками, и повернул обратно. Навстречу ему шла улыбающаяся Лиза.

Хорошо, что она так тепло оделась. Владно подогнанным тулупчике, валенках и шапочке, перевязанной тёплым платком.

— Доброе утро, Елизавета Николаевна. Разрешите предложить Вам прогулку на оленях.

Лиза разрешила, сказав, что она думает об этом уже несколько дней.

Они подошли к лопарям, расположившимся прямо напротив часовни у мелких причалов с переёрнутыми лодками. Один из краснолицых узкоглазых лопарей в свободном балахоне из оленьих шкур с пришитым башлыком подошёл к ним и прорычал:

— Тиррв.

— Это он, наверное, здороваётся так с нами, — тихо сказала Лиза.

— Здравствуйте.

— Садись. Садись.

Они так и сяк усаживались на узкие санки, пока, наконец, не нашли удобное положение.

Лопарь взял длинный шест и прикрикнул на оленей. Лиза крепко прижалась к Николаю Ивановичу. Он обнял её за талию. Олени помчались легко, ритмично, не дёргаясь. Создалось впечатление не езды, а полёта.

Ко второму лопарю тоже села парочка, и парочка эта пыталась их догнать. Но наша упряжка оказалась быстрее. Лопарь запел стран-

ную песню. Речитатив переходил в едва уловимую мелодию, вместо припева в которой были необычно красивые, неслыханные переливы. Песня кончилась только у Соломенного, куда по белому полю озера примчали их оленьки. Недалеко от берега в чьём-то большом огороде находилось более десятка оленей. Рядом стоял чум, над которым вился дымок.

— О чём Вы пели? — спросила Лиза.

— Быстро едем. Моему брату нас не догнать. В нашем чуме варится мясо. По озеру едут мужики с сеном. Едем в Питер. Много денег будет. Пою, что знаю, что вижу.

Николай Иванович отметил, что, несмотря на явную прозу содержания, это всё-таки настоящая народная музыка, отличная от русской.

Обратно — свист ветра в ушах. Ещё тесней прижалась к нему Лиза.

Приехали продрогшие и сразу, попрощавшись, разошлись по домам.

Через пару дней в Обществе был очередной музыкально-драматический вечер, где Николай Иванович с жаром в груди вопрошал: «А судьи кто?»

Монолог понравился зрителям, и они перешёптывались друг с другом:

— Они сейчас «Горе от ума» репетируют.

— Репетировали, да бросили.

— Надо, надо им возобновить репетиции. Соболючков-Самарин будет прекрасным Чацким. Надо так надо. Репетиции решили возобновить.

В один из вечеров Акулина Петровна принесла из кладовки большую рыбу-камбалу и сказала:

— На ужин у нас будет печёная камбала. И готова она будет минут через десять. Заодно и картошку обедешнюю доедим.

Николай Иванович искренне удивился такому срочному анонсу.

— Коля, поставь самовар.

Николай Иванович поставил уже налитый самовар, положил углей из морилки, разжёг их лучиной, открыл душник и приладил трубу. Самовар быстро разгорелся.

Но не в самоваре же она будет рыбу печь. Акулина Петровна взяла сковородку, положила на неё рыбину, посолила, подхватила сковородником и понесла в свою комнату, где она только что закрыла трубу у протопленной гол-

ландки. Она открыла дверцу печки и осторожно, чуть наклоняя сковороду по диагонали, поставила её в печку и закрыла дверцу. Не прошло и десяти минут, как хозяйка вытащила шипящую рыбу из печки, не пролив ни капли сока. Сели ужинать.

— Слушай, Коля, что в Гостином-то говорят. На олешках-то ты катался. У лопарей их целое стадо. Там в Соломенном волки у них одного съели. Лопари поехали в Питер и остановились в Шуе. Так что сделал один из них. Он так на свадьбе себя за колдуна выдал. Мало им карельских колдунов, так еще лопарского подавай, а колдун-то этот оказался ненастоящий.

— А как узнать, настоящий колдун или нет?

— Как, как. Настоящий колдун ни грамма водки в рот не возьмёт. Не уговорить. А этому, как поднесли чарку, так он и пил без передыху. А утром возьми да и помри с перепоею. Нет, не колдун был этот лопарь. Не колдун. Может, там у них в Коле, или где там ещё, и есть колдуны, но этот не колдун.

Николай Иванович вспомнил краснолицего добродушного лопаря и подумал: «Хоть бы не он это был. Хотя всё равно любого из них жалко. Они настоящие дети природы. Добрые и простодушные».

Назавтра Елизавета Владимировна попросила его принять участие в составлении программы следующего литературно-музыкального вечера, который намечался на 14 марта.

Вечер обещал быть длинным, аж в трёх отделениях. После составления программы Николай Иванович отметил, что вечер обещает быть очень русским и каким-то таким демократичным, свободолюбивым, что ли. В программу были включены монолог Арбенина из «Маскарада», стихотворение П. Вейнберга «Пустая церковь», «Песня о блохе» из «Фауста» Гуно, песня «Разбесчастный я молодец» из собрания народных песен Д. Славянского, сатирический монолог с куплетами: «Как проводит день господин Хвостиков», а из живых картин обещал быть интересным «Бой купца Калашникова с Кирибеевичем». Сам Николай Иванович взялся прочесть стихотворение Ивана Никитина «Бурлак». Читал он его в третьем отделении.

Зал был полон. Всех любителей принимали на ура.

Николай Иванович вышел на эстраду и начал:

— Эх, приятель, и ты, видно, горе видал,
Коли плачешь от песни веселой!
Нет, послушай-ка ты, что вот я испытал,
Так узнаешь о жизни тяжёлой.

.....
Есть разгул молодцу. Волга с шумом бежит.
И про волю поёт на просторе;
Ретивое забьётся и вспыхнет огнём!
Осень, холод — не надобна шуба!
Сядешь в лодку — гуляй!

Размахнешься веслом,
Силой с бурей помериться любо!
И летишь по волнам, только брызги кругом...
Крикнешь: «Ну, теперь Божья воля!
Коли жить — будем жить, умереть — так умрём!
И в душе словно не было горя!»

Успех был потрясающий. Аплодировали, кричали «браво». На этом бы и остановиться. Но в финале после «Песни о блохе», опьянённый и окрылённый успехом, он вышел на сцену под аплодисменты зрителей и, не объявляя, начал читать стихотворение Николая Пушкирёва «Песня об арестантах». Когда-то это стихотворение ему переписал Прокопий Иванович, и он запомнил его.

Сегодня оно как нельзя кстати. Финал концерта получился ударным. И хотя стихотворение было достаточно длинным (5 строф), Николай Иванович не сомневался, что оно будет держать публику в напряжении:

— Все мы граждане, все кандидаты в острог,
Разве с самым пустым исключением!
Этот, бывши судьёй, грабил вдов и сирот,
Не читая скреплял приговоры,
То есть жил, как и всякий преступник живёт,
Как живут и тюремные воры.
Тот, родившись купцом, весь свой век обирал
Нас не хуже, чем жулик острожный,
Тот побоями в гроб своих жён загонял,
Как убийца и изверг безбожный.
Тот тиранил детей без нужды и конца,
Их способности, ум притупляя,
Сёк и бил, бил и сёк и по праву отца
Идиотов готовил для края.

*Так, кого ни возьмёшь, всех отметил нас Бог,
Этих — тех, тех — других преступленьем...
Все мы граждане, все кандидаты в острог,
Разве с самым пустым исключением.*

Когда он кончил, в зале стояла гробовая тишина. Потом началось какое-то странное оживление в партере, а галёрка вдруг разом заорала, скандируя:

— Собольщики, браво! Собольщиков, браво! Собольщиков, браво!

Николай Иванович растерянно кланялся и видел, как губернатор встал с места, тронул за рукав Елизавету Владимировну (та не пошевелилась) и пошёл к выходу. Полицмейстер, выйдя из ложи, быстро поднялся на сцену и, приподняв Николая Ивановича за лацканы фрака, негромко произнёс:

— Цензурованный экземпляр стишка! Немедленно. Иначе через 24 часа...

И тут Собольщиков вспомнил. Это было почти ровно шесть лет назад, 1 марта 1881 года. Он бежал по Невскому к бабушке и вдруг услышал сильный взрыв. Весь Невский пришёл в какое-то непонятное движение. Из вагонов конки выскакивали люди и бежали кто куда. Пешеходы убыстрили свой шаг и тоже побежали. Тут грянул второй взрыв. Более мощный. Заколебалась почва, а в окнах задрезали стёкла. Кто-то крикнул:

— Студенты Государя убили.

Истерично закричали женщины. Коля побежал вдоль Екатерининского канала и добежал до густой толпы, стоящей вокруг чего-то. Он с трудом протиснулся вперёд. Его, маленького ростом, чуть не задавили, но он наконец пробрался.

Небольшое пространство было оцеплено полицейскими и пешими казаками. На снегу он увидел красные кровавые пятна и чёрные клочья царской шинели. Пахло горелым мясом. Оцепеневшие люди в ужасе смотрели на чёрно-красный снег. Коля заметил, что некоторые хорошо одетые господа, озираясь, словно воруя, поднимали клочки царского одеяния и тихонько прятали их к себе в карман.

Вдруг он почувствовал, что кто-то схватил его за шиворот и приподнял над землёй. Это был полицейский мощного телосложения.

— Тебе что здесь надо? А ну марш отсюда! Быстро!

Он опустил его на землю, дал пинка и вытер руки белым платком, который достал из кармана шинели.

Коля припустил в сторону Невского.

Из одной лавки вышел мясник в грязном фартуке с топором в руках, чем-то похожий на полицейского, и заорал:

— Бей студентов!

Начали бить длинноволосых молодых людей в широкополых шляпах с пледом на плечах. Коля убежал в переулок.

— Ты что же, друг мой ситный! Нашёл время! Ведь только что на днях раскрыт адский замысел преступного сообщества студентов, замысливших убить и этого нашего Государя. Неужели не слышал?

— Слышал.

Только сейчас Николай Иванович понял, что он наделал. Погорячился. Причём действительно не вовремя.

— Давайте цензурованный экземпляр, и всё в порядке.

— У меня его нет.

— Тогда разговор, к сожалению, окончен. Ждите предписания в 24 часа. Искренне сожалею. Вы неплохой актёр. А у меня служба.

Полицмейстер степенно удалился из зала.

Николай Иванович побрел в свою уборную. Там его и застала Елизавета Владимировна.

— Эх, Вы! Вы хоть понимаете, что наделали?

Он только начал понимать.

— Я не уверена, что смогу помочь Вам. Вы же знаете, что всё это под личным покровительством Григория Григорьевича.

Николаю Ивановичу нечего было сказать, хотя вечер и получился очень русским, свободолюбивым и на редкость цельным. А скандал сделал его вообще захватывающим.

Он поплёлся домой, рухнул на кровать, не раздеваясь, но так и не смог уснуть. Как бездарно кончает он так прекрасно начавшуюся карьеру. Прощайте, куры-куропатки и пироги-калитки. Снова здравствуй, голод.

Утром в дверь постучали.

— Николай Иванович Собольщиков здесь проживает?

Акулина Петровна открыла. На пороге появился квартальный.

— Коля, тебя спрашивают.

Николай Иванович вышел в «фатеру».

— Николай Иванович Соболящиков?

— Да.

— Получите и распишитесь.

Бумага из полиции оповещала, что он должен покинуть город в течение 24 часов.

Было страшно представить, что снова придётся повторить путь на долгих перекладных.

Морозы не унимались, хотя весна по календарю уже настала.

— Коля, что случилось?

Он как смог коротко рассказал Акулине Петровне о вчерашнем вечере.

— Вот что. Попей чайку. Лучше кофейку. Я сейчас заварю. И беги.

— Куда?

— К тем людям, которые тебя любят и уважают.

Пади в ножки и попроси оставить.

— Не оставят. Мне бы хоть до первого парохода в городе пробывать.

— Вот об этом и проси.

Он побежал. Обегал человек десять. Все его внимательно слушали и внешне вроде бы сочувствовали. К вечеру к нему зашёл секретарь Общества и сказал, что ходатайства за него увенчались успехом. Ему разрешено остаться до первого парохода. Мало того. Он должен довести до премьеры «Горе от ума».

— Скажите спасибо Елизавете Владимировне.

В вечерах же его участие не разрешалось.

Потянулись чуть ли не ежедневные репетиции. В апреле премьеру было необходимо выпустить. Елизавета Владимировна молча сидела почти на всех репетициях. О том, чтобы вымарать объявляющего о прибытии гостей ливрейного, не могло быть и речи. Чиновные артисты стали относиться к нему заметно прохладнее. Зато некоторые ссыльные из политических преувеличенно дружелюбно раскланивались при встрече.

Одна радость — Лиза Потапова. Но пьеса-то называется «Горе от ума», а не «Служанка Лиза». Его Чацкий обличал, но как-то вяловато. Задор и огонь исчезли непонятно куда. Он сознавал это, но ничего поделать с собой не мог. Премьера состоялась 14 апреля. Все би-

леты были раскуплены заранее. Зрители прямо ломились на спектакль. Внутренность фамусовского особняка была по-московски ампирична и изящна; танцы, особенно полонез, после этих дурацких представлений ливрейного заканчивались аплодисментами; монолог «А судьи кто?» воспринимался остро и современно, но... Не было главного — свободы мысли Чацкого, который хотя и был внешне лёгок, но внутренне, умственно был как-то зажат. Это, кажется, не было замечено зрителями. Но сам Николай Иванович понимал, что в его положении Чацкого сыграть нельзя. И хотя спектакль имел средний успех, роль Чацкого в Петрозаводске не стала победой Соболящикова-Самарина.

Потянулись томительные дни ожидания первого парохода. За апрель ему обещали выплатить жалованье, и он прикидывал, что ещё можно купить из гардероба. Кроме того, надо было оставить как можно больше наличными. Он твёрдо решил, приехав в столицу, связаться со своими молодыми друзьями и уговорить их создать самостоятельную труппу, где он будет и антрепренером, и режиссёром, и актёром.

А потом всей компанией уехать куда-нибудь в провинцию. Будет трудно, голодно, но они добьются признания и славы.

А пока они гуляли по весеннему городу с Лизой Потаповой и молчали. Молчание это, скрашенное нежной улыбкой Лизы, всё больше и больше объединяло их. Николай Иванович понял, что теперь везде, где бы он ни был, ему будет не хватать этой девушки, улыбчивой и красивой неброской русской красотой. Лиза напоминала ему почему-то старинных боярышень, несмотря на то, что была она вполне современной девушкой. Предложить ей руку и сердце он не решался из-за своего, скорее всего неопределённого, возможно голодного, будущего. Да и родители Лизы никогда не согласятся на брак дочери с бедняком, каковым в их глазах выглядел актер Соболящиков-Самарин. Лиза говорила, что родители настойчиво торопят её с замужеством и каких только кандидатов не предлагают. Поэтому, чтобы не компрометировать Лизу, они встречались как можно реже. На репетициях они обменивались тайными, незаметными для других и дорогими только для них улыбками.

Сегодня на Владимирской набережной, разминая пальцами набухшую берёзовую почку, Лиза спросила:

— Николай Иванович, как Вы думаете, я смогу быть актрисой в настоящем театре?

У Николая Ивановича в голове сразу промелькнула тень губернаторши, но он вспомнил чудесную Лизу из «Горя» и сказал:

— Я думаю, что да. Только зачем эти разговоры?

— Зачем... зачем... зачем... — медленно протянула Лиза.

Она долго смотрела на него, словно к чему-то готовясь, и вдруг...

— Возьмите меня с собой. Я не представляю теперь жизни без Вас. Я люблю Вас, Николай Иванович!

Он и хотел, и боялся этого момента. Да, он любил Лизу; да, он женится на ней. Но как это сделать? Уговорить родителей Лизы невозможно.

— Лизонька, прости меня, дурака. Ведь я должен первым сказать тебе это и сделать предложение. Я люблю тебя, Лиза, и не представляю теперь жизни без тебя. Мне стыдно говорить, но меня смущают два обстоятельства. Мы, возможно, долго будем жить впроголодь...

— Коля, я на всё согласна. Впроголодь так впроголодь, а второе?..

— Твои родители.

Лиза нервно засмеялась, и на глазах её показались слёзы.

— Я сбегу из дома, куда ты прикажешь. Куда увезёшь. Коля, я поеду с тобой куда угодно.

— Лизонька, я очень хочу, чтобы мы всю жизнь прожили вместе.

Они долго целовались на берегу тающего Онего и мечтали о том, что вот придёт первый пароход и сразу в их жизни что-то изменится! Будь что будет, но теперь они никогда не расстанутся.

Но конспирацию пока всё-таки стоит соблюдать, и они разошлись в разные стороны.

6 мая 1887 г. пароход «Нева» совершал свой первый рейс Петрозаводск — Петербург. На пристани собрался весь город. Николая Ивановича провожала Акулина Петровна с большим узлом, в котором, конечно же, были пироги-калитки для Коли. В толпе провожающих была и Лиза. Они старались не показывать свою близость. Простились как хорошие

знакомые, пожав друг другу руки. Актёры-любители, оказавшиеся в это время на пристани, вежливо попрощались с ним и желали всяческих успехов. Объявили посадку, и Николай Иванович, с огромным трудом подхватив свою туго набитую корзину, новёхонький фибровый чемодан и пироги-калитки, взошёл на борт. Пароход дал третий гудок и отчалил. Николай Иванович перешёл на корму и долго, не отрываясь, смотрел, как несколько вдалеке от толпы провожающих махала ему белой косынкой Лиза, жизнь без которой была немислима. Он смотрел и смотрел, пока Лиза не превратилась в точку.

Лиза сбежала из дому и приехала к нему в Петербург через несколько месяцев. Они поженились и жили счастливо, но недолго. Всего девять лет.

Актриса Елизавета Аполлонская (Потапова) умерла от туберкулеза в 1896 году.

ЭПИЛОГ

*Петрозаводск
26 августа 1896 г.*

Глубокоуважаемый Николай Иванович.

Я был очень рад увидеть Вас в Нижнем Новгороде и одновременно очень огорчен тем, что ни у Вас, ни у меня не оказалось времени для длительного разговора.

Несколько слов о том, как мы с нашей знаменитой «вопленицей», а по сути настоящей народной поэтессой Ириной Андреевной Федосовой оказались на Всероссийской художественно-промышленной выставке. Возможно, Вы слышали, что я ездил с нашими олонцеками рапсодами, певцами былин Трофимом Григорьевичем и Иваном Трофимовичем Рябиниными как антрепренер в Москву, Петербург и некоторые славянские страны. Сейчас езжу с Ириной Андреевной. В Петербурге ее выступления имели огромный успех, и ее пригласили выступить на выставке. Всё было, как всегда, успешно. После выступления к нам сразу же зашли два молодых человека: весь заплаканный и расчувствовавшийся газетчик, представляющий «Нижегородский листок» и почему-то «Одесские новости», начинающий писатель Алексей Макси-

мович Пешков (Максим Горький) и его друг, певец Федор Иванович Шалапин. Кстати, Федор Иванович слышал Ирину Андреевну еще в Петербурге. Алексей Максимович (какой сентиментальный для газетчика человек) попросил назначить время, чтобы подольше побеседовать с Ириной Андреевной, а Федор Иванович пригласил нас в оперу. В «Жизни за царя» он поёт главную партию. Они упомянули Ваше имя, и я с удивлением узнал, что Вы теперь занимаетесь оперой. Но Федор Иванович сказал, что Вам доверили это важное и благородное дело только на период выставки, а так Вы по-прежнему будете заниматься драматическим театром. Шалапин-Сусанин оказался настолько великолепен, что у меня нет слов. Вы там у себя в Нижнем держитесь за него. Алексей Максимович сдержал своё слово и прислал несколько своих газетных статей об Ирине Андреевне и выставке, совсем не сентиментальных, а скорее резко критических. Я имею в виду выставку.

Как здоровье Вашей супруги Елизаветы Николаевны? Тогда Вы сказали, что она не совсем здорова. Надеюсь, что сейчас со здоровьем у неё всё в порядке. Передайте привет ей от меня. Надеюсь, что она помнит своего гимназического учителя.

Перехожу к выполнению Вашей просьбы. Вы просили написать о дальнейшей судьбе Елизаветы Владимировны. К сожалению, я ничего об этом не знаю. А о последних годах пребывания супругов Григорьевых в Петрозаводске могу рассказать следующее.

Елизавета Владимировна продолжала устраивать литературно-музыкальные вечера. Лично я всегда получал эстетическое наслаждение от тех, теперь уже давних, вечеров. Вы были у нас в сезон 1886—1887 гг., а года через два Елизавета Владимировна устроила в губернаторском доме роскошный... нет, скорее изящный, вечер с прекрасным ужином для всех зрителей. Мне и

нескольким моим коллегам по Мариинской гимназии посчастливилось там быть.

Вы и представить себе не можете, какой тропический сад устроила Елизавета Владимировна вокруг эстрады с двумя белыми роялями. В зале зеленели латании, филодендроны, пальмы, фикусы, драцены, бананы и какие-то другие тропические растения.

Елизавета Владимировна вышла на эстраду в костюме древнескандинавской валькирии. Помните, она была в нём на одном из балов ещё в Ваше время. Как она читала! В течение 30 минут! Читала только что написанную поэму Аполлона Майкова «Брингильда». Она сумела перевоплотиться в семерых героинь поэмы. Причём, мне кажется, что она читала, если это можно назвать чтением, очень жизненно, почти разговорно, и в то же время это, несомненно, была декламация, тонко передающая и лиризм, и всю силу чувств поэмы, и все переливы чувств героинь. Мы смотрели на Елизавету Владимировну затаив дыхание, не шевелясь. В конце концов, когда Брингильда приказала похоронить себя вместе с убиенным супругом, некоторые дамы зарыдали. Стояла гробовая тишина, и только после большой паузы раздались аплодисменты. Я долго не мог прийти в себя даже после роскошного губернаторского ужина. На вечере выступала не только Елизавета Владимировна. Пела и её приятельница Софья Евгеньевна Ромм, наша дива, ученица Полины Виардо. Но даже её Кармен не смогла отвлечь моих чувств, затронутых «Брингильдой».

На сцену, кажется, в этот же год успешно вышла и Верочка, дочка Григорьевых. Общество давало спектакль, название которого было прямо противоположно его деятельности. «Общество поощрения скуки» Виктора Крылова. Именно там уморительно смешно сыграла роль Любы Косовской Вера Григорьева. Её фраза: «Ку-ку! Вот и я. Ах, какой ты смешной! Ну, от-

Н.И. Соболевщиков-Самарин
в последние годы жизни

чего ты такой смешной», — стала в нашем городе крылатой.

Весной 1890 г. Григорий Григорьевич Григорьев был назначен членом совета министра внутренних дел.

29 мая представители всех сословий провожали губернатора с семьёй. У нас ведь как провожают пароходы? Весь город на пристань придёт. Провожание это для нашего обывателя всё равно что праздник.

В конце главного причала играл военный оркестр. Капитан парохода «Свирь» даже задержал отход больше чем на час, чтобы всем дать проститься с губернатором. На какой-то миг я оказался в толпе рядом с Елизаветой Владимировной и услышал, что она с явной печалью говорит своей подруге Софье Евгеньевне:

— В Петрозаводске я была счастлива. Ждёшь ли меня такое счастье в Петербурге?

До сих пор в ушах моих звучит мелодия марша «Скобелев», который грянул оркестр после отхода парохода, который пошёл сначала как всегда задним ходом.

Провожаящие махали фуражками и шляпами. Генерал Григорьев стоял на капитанском мостике с непокрытой головой и раскланивался с провожающей его публикой.

Вот, пожалуй, и всё.

Да, чуть не забыл. Когда через два года Иван Трофимович Рябинин выступал в Зимнем дворце, после выступления к нам подошла Елизавета Владимировна, такая же, как и прежде, — улыбка и обаятельная. Она поблагодарила рапсода

и сказала, что считает себя ученицей его отца Трофима Григорьевича, от которого она переняла пару былин и помнит их наизусть. Мы обменялись несколькими фразами, и она исчезла.

Вот теперь всё.

Очень был рад увидеть Вас в Нижнем.

Примите уверения в глубочайшем моём уважении.

Искренне Ваш
Павел Тимофеевич Виноградов.

Народный артист РСФСР Николай Иванович Соболюшкин-Самарин прожил долгую счастливую жизнь и умер в 1945 году.

И всё-таки...

Он так и не встретил больше столь талантливой актрисы, как блеснувшая ослепительным, ставшим по прошествии времён призрачным светом петрозаводская губернаторша Елизавета Владимировна Григорьева.

А может, она и в третий раз когда-нибудь и где-нибудь восхитила и удивила зрителей?

Он об этом так и не узнал.

Лето 2009 года,
Петрозаводск

Автор благодарит архитектора Елену Ицксон и краеведа Татьяну Мошину, которые помогли ему в реконструкции событий петрозаводской зимы 1886–1887 гг.

Борис Александрович ГУЦИН

(род. в 1941 г.).

Старший научный сотрудник Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижь».

Историк, этнограф, писатель, театральный критик, член Карельского Союза писателей и Союза театральных деятелей.

Автор книги «Не только о Кижях. (Картинки прошлого, повести, рассказы, пьесы, из воспоминаний)».

Постоянный автор журнала «Север» с 1976 года.

Живет и работает в Петрозаводске.

